

В.Н. КАЗАРИН

МАТЕРИАЛЫ ИРКУТСКИХ АРХИВОВ КАК ОСНОВА ВЕРИФИКАЦИИ БИОГРАФИЙ УЧЕНЫХ-ЮРИСТОВ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1918–1931 гг.

Очевидно, нет необходимости убеждать профессионального исследователя в необходимости для более точного воспроизведения прошлого бережного отношения к историческим фактам, их максимального поиска в фондах библиотек и архивов. При этом важно понять, что же понимается под понятием «исторический факт». Сошлемся на авторитетного современного ученого профессора А.И. Косарева. Он различает, по крайней мере, три значения термина «исторический факт». Первое: тождественное самой действительности, т.е. событие прошлого. Второе: соотношение с источником наших знаний о прошлом, например, различные документы, хроники, воспоминания, вещественные остатки материальной культуры. И третье значение отождествляется с понятием научного факта. Иначе говоря, представленные в научной работе должны пройти «сито отбора, научную обработку и сведены в систему научного знания» (*Косарев А.И. Историософия государства и права. М., 2009. С. 93–94*).

Итак, для того, чтобы полно воссоздать прошлое, необходимо выявить, перепроверить (верифицировать) как можно большее количество исторических источников (в данном случае в третьем значении термина) и свести это в целостную систему той или иной отрасли научного знания. Иными словами, исследователь должен стремиться к точности приводимых им данных, которые прошли предварительную стадию перепроверки. Это относится к любому жанру научной литературы (монографии, статьи, но особенно справочные издания).

На нескольких примерах посмотрим, насколько точно указаны данные в опубликованной литературе о крупных ученых и преподавателях-юристах второго сибирского университета, основанного в Иркутске осенью 1918 г. Ниже приведенные имена прочно вошли в историю социально-гуманитарной науки, выдержали проверку временем, их упоминают современные авторы, а на их научные труды ссылались и ссылаются не одно поколение исследователей. Значит ли это, что все указанные данные о них правильны, и мы обладаем о них точными сведениями? Попробуем разобраться.

В 2010 г. исполнилось 120 лет со дня рождения известного ученого юриста Михаила Михайловича Агаркова. Имя крупного исследователя, цивилиста достаточно часто упоминается в специальной литературе, труды его прочно вошли в индекс цитирования. Однако следует признать, что многие авторы либо вообще не упоминают иркутский период научно-педагогической деятельности М.М. Агаркова, либо сообщают о нем ошибочные сведения. Наглядным примером первого является статья д-ра юрид. наук Р.О. Халфиной (*Халфина Р.О. Михаил Михайлович Агарков (1890–1947) // Изв. вузов. Правоведение. 1978. № 3*). Примером второго служит статья известного отечественного ученого В.А. Томсинова (Московский университет). Очевидно, не располагая точными данными, в своей статье автор указал годы пребывания Агаркова в Иркутске: 1919–1920 (*Томсинов В.А. Агарков Михаил Михайлович (1890–1947) // Зерцало: журнал юридической библиографии. Вып. 1. 1997. С. 36*).

Но наибольшее количество неточностей допустили авторы вступительной статьи С. Бабкин и В. Белов к двухтомнику избранных статей М.М. Агаркова (2002). Читаем: «Волею судеб в 1920 г. Агарков оказался в красном Иркутске, где Советская власть организует один из первых государственных университетов, в котором ученый и обретает временное пристанище» (*Бабкин С. «За глаза его называли «мэтр»... // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 7*). Мы имеем наглядный пример, когда в книге, явно востребованной профессиональным сообществом, изданной тиражом 3 тыс. экземпляров, что по нынешним временам составляет немалое количество для специальных изданий, в одной этой фразе содержится обилие ошибок. Во-первых, университет в Иркутске был образован не в 1920, а в 1918 г. Для этого авторам не было необходимости работать в архивах, а достаточно было посмотреть любую доступную литературу, посвященную истории Иркутского университета. Эта литература в Москве имеется. Во-вторых, второй сибирский университет основала не советская власть. Его открытие состоялось в период, когда Иркутск административно подчинялся Омскому правительству, еще до ноябрьских событий 1918 г., которые привели к власти адмирала А.В. Колчака, установившего свой, отличающийся от прежнего, политический режим, не говоря уже о восстановлении здесь советской власти. Следовательно, это был не «красный» Иркутск. Это, в-третьих. Мы видим пример явной не проверки авторами фактов, установить подлинность которых, в общем, не сложно.

Имеются и достоверные данные, встречающиеся в справочных изданиях последнего времени. Примером этого может служить книга О.Ю. Шилохвоста, в которой указано, что Агарков «в 1918–1920 и.д. экстраорд. проф. каф. торг. права, в октябре 1918 и.д. декана юрид. ф-та Иркутского ун-та» (*Шилохвост О.Ю. Русские цивилисты: середина XVIII–начало XX в.: крат. биограф. слов. М., 2005. С. 9*).

Конечно, столичным авторам трудно установить данные, относящиеся к биографии Агаркова в иркутский период. Однако это не дает оснований на тиражирование ошибочных данных, приводимых ими в опубликованных работах. Обратимся к материалам иркутских архивов. Подтверждаются ли данные о том, что М.М. Агарков временно исполнял обязанности декана юридического факультета? Да, подтверждаются. 24 октября 1918 г. ректор ИГУ М.М. Рубинштейн сообщал министру народного просвещения Омского правительства, что временно исполнявшим должность декана юридического факультета избран и.д. экстраординарного профессора М.М. Агарков (*Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 3. Л. 4*).

В ф. Р-71 Государственного архива Иркутской области (ГАИО) в д. 24 имеется записка М.М. Рубинштейна, датированная 23 октября 1918 г. и адресованная министру народного просвещения Омского правительства. В ней указывается, что в университете сформированы историко-филологический и юридический факультеты. В составе последнего первым названо имя М.М. Агаркова по кафедре гражданского и торгового права (*ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 24. Л. 11*). Итак, у нас имеются данные, говорящие о том, что Агарков стал одним из «отцов-основателей» юридического образования в Восточной Сибири, в Иркутском университете не с 1920 г., как пишут С. Бабкин и В. Белов, а со дня его основания, т.е. с октября 1918 г. Подтверждается ли эта дата другими архивными данными? Обращаемся к личному делу М.М. Агаркова, хранящемуся в архиве Иркутского университета. Там указано, что Агарков с октября 1918 г. состоит экстраординарным профессором ИГУ. Более того, материалы дела помогают нам восстановить и обстоятельства появления Агаркова в Иркутске. Например, интереснейший документ — удостоверение, выданное Агаркову в том, что он не имел возможности приобрести штатное верхнее платье и носит форму, выданную ему по распоряжению командующего войсками Северной группы (антибольшевистской — В. К.), как члену Думского комитета по обороне г. Казани. Профессор Агарков читал лекции по общей теории права, по гражданскому и торговому праву. Агарков, несмотря на явные материальные затруднения, сразу же активно включился не только в учебный процесс, но и в общественную жизнь Иркутска. В частности, он был избран представителем университета в созываемом ВСОРГО совещании (*Архив ИГУ. Оп. 3. Д. 2. Л. 10, 13, 21*). Так как же это назвать? «Временным пристанищем» или активной педагогической и общественной деятельностью?

Имеется еще один весьма показательный документ. Летом 1919 г. М.М. Агаркова избрали профессором по кафедре торгового права Пермского университета, основанного ранее Иркутского. Наверное, человек, обретший «временное пристанище» будет стремиться поскорее его покинуть, да не в какую-нибудь «Тмутаракань», а в «приличное место», побли-

же к центральным научно-учебным центрам. Причем, уехать не «наобум», а занять профессорскую должность, как минимум. И что же Агарков? Он изъявляет желание остаться в Иркутском университете, о чем сообщает ректору ИГУ, который информирует об этом министра народного просвещения Омского правительства (*Там же. Л. 22*). Таким образом, видно, что архивные данные не только исправляют опубликованные тексты, но существенно дополняют научно-педагогический портрет ученого.

Первым постоянным деканом юридического факультета Иркутского университета, после двух недель исполнения этих обязанностей М.М. Агарковым, стал Василий Павлович Доманжо. В книге, вышедшей к 80-летию Иркутского университета, приведены даты жизни Доманжо: 1881–1923. Далее указано «в 1918 г. избран деканом факультета общественных наук ИГУ» (*Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С.И. Кузнецов. Иркутск, 1998. С. 166*). О.Ю. Шилохвост приводит другие даты жизни В.П. Доманжо «29.4. 1881, с. Константиновка Пензенской губ. — 9.9. 1922, Иркутск», а также уточняет «С 1918 проф. каф. римс. права и декан ф-та общественных наук, в 1920 и.о. ректора Иркутского ун-та» (*Шилохвост О.Ю. Указ. соч. С. 60*). Как видим, отличаются приводимые даты жизни Доманжо; второй автор сообщает также, что Доманжо исполнял обязанности ректора ИГУ.

Какие же сведения подтверждают или опровергают архивные данные? В приказе по министерству народного просвещения Омского правительства от 2 августа 1918 г. говорится, что и.д. экстраординарного профессора ИГУ утверждается магистрант римского права Доманжо Василий Павлович по кафедре гражданского права и судопроизводства с 15 августа 1918 г. (*ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 3. Л. 1*).

Удивляет сообщение о том, что В.П. Доманжо стал деканом факультета общественных наук в 1918 г. Факт, широко известный, что Иркутский университет был открыт в составе двух факультетов: историко-филологического и юридического. А факультет общественных наук (ФОН) — это уже производное советской власти, которой при открытии университета на Ангаре в Иркутске не было. Вновь обратимся к источнику. Ректор университета сообщает министру народного просвещения в Омск 24 октября 1918 г. о том, что «при ИГУ сконструировались факультеты юридический и историко-филологический» (*Там же. Л. 12*).

Теперь о годах жизни В.П. Доманжо. Когда же ушел из жизни первый постоянный декан юридического факультета ИГУ: в 1923 г. (справочное издание об ИГУ 1998 г.) или в 1922 г. (О.Ю. Шилохвост)? Обратимся к авторитетному изданию, «Иркутской летописи 1661–1940», составитель Ю.П. Колмаков. В нем названа точная дата: 9 сентября 1922 г. в Иркутске (*Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 442*). К тому же имеется другой авторитетный источник: «Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг.» Н.С. Ро-

манова, книга хорошо известная научной общественности нашего региона. Книга вышла в свет в 1994 г., а справочное издание в 1998 г. Итак, в «Летописи» Н.С. Романова читаем в разделе «1922 год»: «9 сентября скончался декан факультета общественных наук Иргосуна профессор Василий Павлович Доманжо». В этой же книге в примечаниях указана точная дата, а именно «29 января–18 февраля 1920 г.», когда В.П. Доманжо исполнял обязанности ректора университета (*Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1994. С. 460, 521*). Ведь это не только важное событие в биографии ученого и педагога, но примечательный факт в истории становления высшего образования в Восточной Сибири. Почему он не указан в справочном издании об ИГУ, на которое, поскольку оно справочное, принято ссылаться?

В архиве ИГУ имеются сведения о том, что преподаватели ФОНа, который возник уже при советской власти, осенью 1922 г. читали лекции «в пользу семьи профессора Василия Павловича Доманжо» (*Архив ИГУ. Оп. 1. Д. 28. Л. 6*). Таким образом, архивные данные подтверждают дату ухода из жизни первого постоянного декана юридического факультета ИГУ.

Крупным ученым юристом-криминалистом, известным еще до революции 1917 г. был доктор уголовного права Степан Петрович Мокринский. В книге «Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998)» о нем сказано буквально следующее: «Мокринский С.П. Профессор юридического факультета Иркутского университета с января 1920 г. Переведен из Томского университета с кафедры уголовного права» (*Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С.И. Кузнецов. Иркутск, 1998. С. 171*). Необходимо отдать должное упомянутой книге, первому справочному изданию такого формата. К сожалению, сжатые сроки, в которые была подготовлена эта книга, не позволили авторам дать развернутые данные о приводимых персоналиях, а некоторые факты приведены вообще ошибочно.

Как видим, в справочном издании приведены только инициалы ученого, не восстановлены его имя и отчество, отсутствует дата отъезда из Иркутска. А ведь Мокринский был выдающимся ученым, о котором кратко сообщал Новый энциклопедический словарь, изданный в типографии Брокгауза-Ефрона (*Мокринский Степан Петрович // Новый энциклопедический словарь / под ред. К.К. Арсеньева. Пг., б.г. С. 903*). Там указано имя-отчество Мокринского, год рождения (1866), его образование (юридический факультет Московского университета), его главный труд «Наказание, его цели и предположения». А в архиве Иркутского университета имеется удостоверение, в котором указано, что он «состоял в должности профессора по кафедре уголовного права факультета обще-

ственных наук, (а не юридического факультета, как указано в справочнике), с 28 января 1920 г. и отчислен с 19 сентября 1922 г. за переводом в Минский университет» (*Архив ИГУ. Оп. 3. Д. 95. Л. 4*). В списке личного состава профессоров и преподавателей ИГУ за 1920 г. также указана та же дата приема С.П. Мокринского на должность профессора университета — 28 января 1920 г. (*Там же. Оп. 1. Св. 25. Д. 87. Л. 9*).

Одним из крупных советских ученых-юристов, чье имя прочно вошло в историю науки уголовного права, был Андрей Андреевич Пионтковский. В упомянутом справочнике правильно указаны даты жизни (1898–1973), и далее: «профессор ИГУ до 1931 г.» (*Иркутский государственный университет... С. 172*). Так ли это? В обстоятельной статье, посвященной А.А. Пионтковскому в центральном журнале «Правоведение» (1977, № 2) вообще не упоминается об иркутском периоде ученого. Но там содержится проверенная информация, полностью отрицающая сведения о его работе в Иркутском университете до 1931 г. Там указано, что с 1921 г. Пионтковский ведет плодотворную научную и преподавательскую деятельность. Вначале он был приглашен на преподавательскую работу в Туркестанский университет, а с 1923 г. на юридический факультет Московского государственного университета. В 1924 г. ему присуждено звание профессора. В эти же, т.е. в 1920-е гг., Пионтковский сочетает преподавательскую деятельность в Московском университете с научно-исследовательской работой в Государственном институте по изучению преступника и преступности. А с 1931 по 1950 гг. он заведовал кафедрой уголовного права в Московском юридическом институте, сочетая эту деятельность с работой во Всесоюзном институте юридических наук и Военно-юридической академии (*Шишов О.Ф. Андрей Андреевич Пионтковский (1898–1973) // Известия вузов. Правоведение. 1977. № 2. С. 106–107*). Таким образом, мог ли А.А. Пионтковский, работая в столичных учебных и научных учреждениях, одновременно являться «профессором ИГУ до 1931 г.»?

Очевидно, что до 1931 г. А.А. Пионтковский не работал и не был профессором Иркутского университета. В литературе столичных издательств нет даже упоминания о том, что биография Пионтковского как-то была связана с Иркутском. Однако есть ли подтверждения этому в архивных документах? К тому же О.Ф. Шишов последовательно указывает две даты: 1898 (год рождения), а затем 1921 (начало преподавательской и научной деятельности). Третья дата (1923) — начало работы в Московском университете. А что же между этими датами? Есть ли между ними факты биографии, подтверждающие пребывание А.А. Пионтковского в Иркутском университете? Находим этому архивное подтверждение. В списке личного состава профессоров и преподавателей ИГУ за 1920 г. находим: «Пионтковский Андрей Андреевич, профессорский стипендиат, в ИГУ с 10 мая 1919 г., наука о преступлении и наказании» (*Архив ИГУ. Оп. 1. Св. 25. Д. 87. Л. 11*). Итак, мы находим утверждения лишь о том, что

А.А. Пионтковский был профессорским стипендиатом, т.е. аспирантом Иркутского университета какое-то непродолжительное время.

Не только ученым и преподавателем, но и одним из видных деятелей культуры Сибири был Владимир Сергеевич Манассеин. Ему, первому директору Научной библиотеки ИГУ, посвящена обстоятельная статья заведующей отделом редких книг НБ ИГУ В.К. Пешковой (См.: *Пешкова В.К. Слово о первом директоре (Владимир Сергеевич Манассеин) // Вестник Научной библиотеки Иркутского государственного университета / редкол.: Р.В. Подгайченко, И.П. Белоус. Иркутск, 2004. Вып. V: «85-летию Научной библиотеки ИГУ посвящается...»*). В статье приведены проверенные данные, воссоздана по существу краткая биография преподавателя и организатора библиотечного дела Восточной Сибири.

Однако в упомянутом справочном издании 1998 г. указаны не полные и не точные факты биографии В.С. Манассеина. Там, в частности, сказано, что Манассеин состоял профессором Иркутского университета с 1919 г. (*Иркутский государственный университет... С. 170*). Одним из первых, кто обратил внимание на «очень скупые и частично ошибочные данные о В.С. Манассеине» был иркутский исследователь А.Н. Гаращенко. В статье, опубликованной в сборнике «Иркутское краеведение 1920-х: взгляд сквозь годы» он пишет: «Вероятно, в Иркутск В.С. Манассеин попал не в 1919 г. и тем более не был в этом году профессором юридического факультета университета. Его фамилии нет в списке профессорско-преподавательского состава за 1920 г.» (*Гаращенко А.Н. В.С. Манассеин: материалы к биографии // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: материалы регион. науч.-практ. конф. «Золотое десятилетие» иркутского краеведения: 1920-е годы» Ч. 1. Иркутск, 2000. С. 119*). Статья А.Н. Гаращенко основана на привлечении широкого круга источников, в том числе материалов Государственного архива Иркутской области, в частности, фондов: р-1807, р-42, р-565. Правда, среди приведенных в ссылках фондов нет фонда Иркутского университета (р-71) и фондов архива ИГУ.

В 2010 г. вышла в свет книга, посвященная В.С. Манассеину, содержащая как опубликованные, так и неопубликованные его статьи, а также две обстоятельные статьи, посвященные самому В.С. Манассеину. Автором одной из них является А.Н. Гаращенко, который значительно расширил предмет своего исследования. В статье представлен развернутый портрет Манассеина, но в контексте рассматриваемой здесь темы, нас интересует, в первую очередь, вопрос, состоял ли В.С. Манассеин «профессором Иркутского университета с 1919 г.»?

Штабс-капитан запаса В.С. Манассеин, ушедший с военной службы «по собственному желанию» «по антимилитаристическим соображениям» в 1907 г. поступил на юридический факультет Казанского университета, который окончил в 1911. Был оставлен при университете для подготовки к

профессорскому званию, а в 1914 г. с началом Первой мировой войны как бывший офицер был мобилизован и назначен в штаб инспектора инженерной части Казанского военного округа. Там он прослужил всю войну, две революции — вплоть до расформирования штаба в апреле 1918 г. Вторично освободившись от военной службы, Манассеин стал работать в Казанском комиссариате государственного обеспечения. Но разве мог бывший военный остаться вне событий разворачивавшейся Гражданской воны, даже если бы он этого желал? У августе 1918 г. его в очередной раз мобилизовали вначале в армию Комитета Учредительного собрания (КОМУЧа), а затем, после колчаковского переворота и в армию «Верховного правителя». Манассеин служил в Омске, в Инженерном управлении. В 1919 г. управление было эвакуировано в Иркутск. И что же, он стал профессором Иркутского университета? Вновь обратимся к новейшей статье А.Н. Гаращенко, который, опираясь на документы указывает, чем занимался Манассеин в 1919 г.: он не принимал участия ни в боевых действиях, ни в карательных операциях колчаковской армии. Он «собирал деньги на голодающих, организовывал столовые в татарских деревнях, состоял в различных общественных организациях и работал в них». А затем, после восстания Политцентра, вступления в Иркутск Пятой Красной Армии и разгрома колчаковцев, В.С. Манассеин, пройдя тщательную проверку, стал начальником административного отдела управления Пятой Армии (*Гаращенко А.Н. В.С. Манассеин — историк и краевед Иркутска (Штрихи к портрету) // Манассеин В.С. История с библиографией: сб. ст. Иркутск, 2010. С. 237, 240, 241*). Итак, публикация А.Н. Гаращенко 2010 г., основанная на обширном источнике материала, как видим, корректирует его же собственные данные 2000 г. и доказывают, что В.С. Манассеин не был профессором Иркутского университета с 1919 г.

Данные А.Н. Гаращенко подтверждаются как раз материалами архива ИГУ. В.С. Манассеина действительно нет в списках преподавателей, тем более профессоров, за 1919 г., как указано в справочнике. Но его фамилия имеется в списке профессорских стипендиатов, в котором указано: «В.С. Манассеин — профессорский стипендиат с 24 апреля 1920 г. по кафедре истории русского права» (*Архив ИГУ. Оп. 1. Св. 25. Д. 87. Л. 11*). В последней статье А.Н. Гаращенко указывает другую кафедру — кафедру учения о развитии права. Правда, при этом он приводит и мою точку зрения о том, что это могла быть кафедра истории русского права (*Гаращенко А.Н. В.С. Манассеин — историк и краевед Иркутска. С. 254–255*). Мои данные основаны на материалах ведомственного «первичного» архива и относятся к апрелю 1920 г. Учитывая, что наличие кафедр в то переломное время часто зависело от наличия профессоров и преподавателей, а текучесть кадров была значительной, можно предположить, что в дальнейшем В.С. Манассеин был преподавателем, а затем заведующим кафедрой учения о развитии права.

В заключение несколько уточнений. В упомянутом справочнике указано: «Покровский С.П. Профессор, зав. кафедрой истории русского права Иркутского университета (1918)» (*Иркутский государственный университет...* С. 173). Что скрывается за этой короткой информацией, в которой даже нет имени-отчества Покровского? Конечно же, очевидно, по той же причине: сделано в очень ограниченные сроки, наспех. Но справочное издание должно содержать хотя и краткую, но проверенную и точную информацию. Сергей Петрович Покровский, известный русский ученый, специалист в области государственного, административного права и истории русского права. Это автор крупных трудов, вышедших еще до революции 1917 г., среди которых: «Министерская власть в России (историко-юридическое исследование)», Ярославль, 1905; «Очерки австрийского государственного права», Издание Демидовского юридического лица, 1903; «Методологические различия в направлении школы французского государственного права», Издано там же, 1913; «Всеобщая история права и ее значение в системе юридического образования», Издано там же, 1914 и др. С.П. Покровский — магистр государственного права (1914), диссертацию защитил в Московском университете. Действительно, С.П. Покровский был одним из первых профессоров Иркутского университета, утвержден в звании и.д. ординарного профессора по кафедре истории русского права приказом министра народного просвещения 29 октября 1918 г. Кроме того, с 1918 по 1920 г. состоял профессором по кафедре государственного права и истории права (*Архив ИГУ. Оп. 3. Д. 123. Л. 2, 8, 46*). Поскольку кафедры тогда состояли из одного-двух человек, то должности заведующих кафедрами не было, во всяком случае, архивные документы об этом не говорят. К тому же, в виду малого количества преподавателей, одни и те же профессора и преподаватели читали по несколько дисциплин.

Еще одно уточнение. В Иркутском университете непродолжительное время работал известный ученый-цивилист и востоковед Валентин Александрович Рязановский, впоследствии уехавший во Владивосток, и далее в Китай, а затем — в США. В литературе о нем, при всей информативности содержащихся сведений, к сожалению, встречаются и отдельные неточности. Например, А.А. Хисамутдинов (Дальневосточный технологический институт) в статье, опубликованной в академическом журнале, сообщает: «Осенью 1918 г. В.А. Рязановский вместе с женой перебрался в Томск, где стал профессором юриспруденции Томского университета. Через полтора года он уехал в Иркутск, столицу Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и продолжил свою деятельность в Иркутском университете. Все свое свободное время он посвящал оформлению законов белого правительства. После падения колчаковского правительства поздней осенью 1920 г. Рязановские уехали во Владивосток» (*Хисамутдинов А.А. Профессор юриспруденции и востоковед В.А. Ряза-*

новский // *Проблемы Дальнего Востока*. 2003. № 2. С. 136–137). Так когда же В.А. Рязановский приехал в Иркутск? Точной даты А.А. Хисамутдинов не называет, но, согласно его данным (осень 1918 г. плюс полтора года) — весна 1920 г. Возможно, это март, а может быть и май, — этого автор статьи не уточняет. В неоднократно упоминаемом справочном издании (Иркутск, 1998) сказано, что В.А. Рязановский «с января 1920 г. — профессор юридического факультета Иркутского университета» (*Иркутский государственный университет... С. 174*).

Итак, время прибытия ученого в Иркутск нуждается в более точной датировке. Но возвратимся к утверждению Хисамутдинова о том, что по прибытии в столицу Верховного правителя А.В. Колчака «все свое свободное время» В.А. Рязановский посвящал оформлению законов белого правительства. Допустим, что, по Хисамутдинову, Рязановский прибыл в Иркутск в марте 1920 г. Какие законы белого правительства мог оформлять Рязановский «все свое свободное время», если 4 января 1920 г. адмирал Колчак, находясь в Нижнеудинске, сложил полномочия Верховного правителя, передав их генералу А.И. Деникину, а к 2.00 5 января 1920 г. весь Иркутск был во власти Политцентра (*Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири*. М., 2005. С. 185), т.е. власть «белого правительства» пала? Разве можно так обращаться с фактами?

Теперь о дате, указанной в справочном издании — январь 1920 г. О чем говорят нам архивные документы? Мы имеем свидетельства о том, что юридический факультет на заседании 13 декабря 1919 г. «признал желательным прикомандирование к ИГУ профессора Томского университета по кафедре гражданского права В.А. Рязановского». Приказом ректора ИГУ Рязановский был прикомандирован к университету с 30 января 1920 г., но в должности ординарного профессора ИГУ он состоял с 18 февраля 1920 г. (*Архив ИГУ. Оп. 3. Д. 11. Л. 2, 3, 9*). Очевидно, авторы справочника, определяя дату начала работы В.А. Рязановского в ИГУ, взяли за основу приказ ректора ИГУ, с чем можно в принципе согласиться.

И еще одна ремарка. Обидятся ли указанные в статье авторы на отмеченные неточности в их публикациях? К тому же авторы статей о персоналиях в юбилейном издании ИГУ 1998 г. вообще не указаны, и, в соответствии с правилами библиографии, приводится ссылка на составителя, известного в профессиональных кругах ученого. Или, думая об основной тенденции исторической науки, заключающейся в приращении и уточнении, новом осмыслении полученных проверенных данных, воспримут все, что выше изложено вполне профессионально, а не эмоционально? Может быть, это риторический вопрос?

На взгляд автора статьи, гораздо важнее другое, а именно то, что эта небольшая статья поможет избежать в будущем тех ошибок и неточностей, которые встречаются в опубликованных изданиях, относя-

щихся к биографическим данным видных российских ученых-юристов, чья научно-преподавательская деятельность была связана с Иркутским университетом в 1920-е гг., ведущим в те годы учебно-научным заведением Сибири.

М.С. СИЗОВА

ПРОБЛЕМА СНАБЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1941–1947 гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На сегодняшний момент основная часть исследований по отечественной истории 1940-х гг. посвящена изучению военных, политических и экономических проблем данного периода. Фундаментальных работ по социальной истории, условиям жизни населения, написанных на общероссийских материалах, пока нет. Существует ряд серьезных работ по социальной политике, основанных на региональных материалах, а также разнообразные публикации, посвященные отдельным аспектам социальных проблем. Наименее изученной из социальной истории является проблема снабжения населения в условиях карточной системы (1941–1947 гг.), в том числе, и в рамках Байкальского региона.

В нашей историографии существуют два взгляда на вопрос периодизации данной проблемы. Часть исследователей выделяет два этапа: первый — с 1941 г. до второй половины 1980-х гг., — называя его периодом «советской историографии», и второй — «постсоветский» — с конца 1980-х гг. по наши дни.

Другая часть исследователей считает, что для более глубокого изучения проблем социальной политики в годы Великой Отечественной войны необходимо воспользоваться более детальной периодизацией. Исследователи, придерживающиеся данной точки зрения, делят историю изучения нашей проблемы на три этапа. Первый — это период с начала войны до XX-го съезда КПСС, когда происходит постановка проблемы, и определяются основные принципы ее изучения. Второй период — с середины 1950-х до середины 1980-х гг. — характеризуется дальнейшим развитием и углублением исследований. Третий этап начинается с середины 1980-х гг. и продолжается по наши дни. Только на рубеже 1980-1990-х гг., используя статистические данные, результаты социологических исследований, ученые стали иначе рассматривать социальные процессы и делать выводы, которые в корне отличались от ранее существовавших.

Первые работы начинают публиковаться уже в годы войны. В периодической печати появились статьи, в которых обсуждались многие